

Владимир Д. Климонов
Университет им. Гумбольдта, Берлин

ТЕНДЕНЦИЯ К ЭКОНОМИИ В ВИДОВОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА

1. Введение: концептуальные структуры и их языковая манифестация

Язык выражает мысли. Языковые способности носителя языка находятся в тесной связи с общими когнитивными способностями человека. Когнитивные процессы играют важную роль в мотивации языковых структур. В когнитивной лингвистике грамматические структуры рассматриваются в соотнесении с концептуальными структурами как их когнитивными аналогами (см., например, Кубрякова 2004: 13, 16). Языковая форма трактуется при этом как своего рода «упаковка» когнитивной информации (см. Кузикович 2005: 266). Как сама когнитивная информация, так и ее «упаковка» специфичны для каждого языка. При вербализации одной и той же информации говорящие на разных языках выбирают разные фрагменты концептуальной схемы или образ-схемы (*image schema*). Селективные критерии концептуализации, т.е. разные принципы обработки информации, обусловлены каждый раз особенностями тех или иных языковых структур. Семантические структуры (т.е. значения как языковые единицы и операции с ними) коррелируют при этом с концептуальными структурами (т.е. понятиями как мыслительными единицами и операциями с ними). При языковой манифестации концептуальных структур, имеющих форму ментальной репрезентации, говорящий производит отбор грамматических структур по степени их сложности, или маркированности. Предпочтение отдается при этом иконическим грамматическим структурам, которые характеризуются однонаправленностью, или изоморфизмом отношений маркированности концептуального и формально-языкового уровней. Иконические языковые структуры обнаруживают минимальную

когнитивную нагрузку языковой способности носителя языка. Оптимальность иконических структур объясняется их максимальным соответствием ментальным моделям, или когнитивным образцам. Грамматические структуры с разнонаправленными, т.е. неизоморфными отношениями маркированности в концептуальной и формально-языковой репрезентациях, характеризуются соответственно дополнительной когнитивной нагрузкой языковой способности носителя языка. Принцип изоморфизма маркированности в языке, сформулированный в 60-е годы прошлого столетия Р.О. Якобсоном (см. Jakobson 1971 [1963], 1971 [1963]) и названный им принципом диаграммного иконизма, является конститутивной характеристикой грамматической системы языка и одним из фундаментальных принципов ее организации. Отклонения от этого принципа, которые всегда имеют свои определенные основания, не отменяют этого принципа, а придают ему гибкий диалектический характер. Грамматические изменения протекают, как правило, в направлении увеличения удельного веса в языке грамматических структур, соответствующих этому принципу, и соответственно уменьшению доли (и, в конечном счете, полному устранению) грамматических структур, противоречащих этому принципу. Понятие маркированности, или лингвистической сложности, оказывается тем самым сопряженным с понятием концептуальной сложности, определяемой в рамках когнитивных способностей и измеряемой в терминах ментальных усилий и времени обработки информации. Сопряженность концептуальных и формально-языковых структур я проиллюстрирую на примере манифестации числовых отношений в естественных языках. Концепт единичности является более простой когнитивной величиной, чем концепт множественности. В соответствии с этим типичным является выражение единичности нулевой морфемой, а множественности ненулевой морфемой в формальной структуре имени существительного. Р.О. Якобсон (Jakobson 1971 [1963]: 585) указывает на то, что существуют языки, в которых понятие единичности выражается только нулевым аффиксом, но не существует языков, в которых понятие множественности выражалось бы только нулевым аффиксом. Лингвистические формы отражают в этом примере иконически их концептуальную организацию. Анализ концептуальных структур, или когнитивных образцов, предполагает в свою очередь обращение к ментальным процессам и лежащим в их основе психологическим и нейробиологическим механизмам обработки информации в мозгу человека.

Тенденция к экономии анализируется в настоящей работе на примере аспектуальной системы русского глагола. Рассмотрению

подлежат оба компонента этой системы, а именно грамматическая аспектуальность (раздел 2) и лексическая аспектуальность (раздел 3). Грамматическая аспектуальность представлена категорией вида, которая манифестируется видовыми парадигмами (полными и дефективными). Лексическая аспектуальность объединяет аспектуальные классы как наиболее общие типы глагольных ситуаций (т.е. лексические акциональные функции в терминологии Ф. Леманна (1997: 58) или лексические виды в моей номенклатуре) и их подклассы или способы действия (т.е. лексические подвиды в моем понимании). З. Вендлер (Vendler 1967: 98–103) выделяет (на материале английского языка) четыре больших класса глаголов, а именно *activities* «деятельности или процессы», *accomplishments*, «свершения или осуществления», *achievements* «достижения или происшествия» и *states* «состояния или стативы». А.П.Д. Мурелатос (Mourelatos 1981: 199–202) объединяет *accomplishments* и *achievements* в один класс *events* «событий». Лексические виды (такие как события или эвентивы, процессы, или процессивы и состояния, или стативы) имеют статус универсальных аспектуальных категорий. Как концептуальные универсалии они противопоставляются грамматическим видам и лексическим подвидам, имеющим идиотнический характер.

2. Тенденция к оптимальной организации видовых парадигм в сфере грамматической аспектуальности

2.1. Иконизм и отклонения от иконизма в видовых парадигмах русского глагола

Под углом зрения степеней иконизма, т.е. соответствия формальных моделей их когнитивным или семантическим образцам, в русском языке выделяются четыре типа видовых парадигм (см. схему 1).

В эту схему не включены редкие нерегулярные, т.н. супплетивные парадигмы типа *говорить–сказать*, оба члена которых не связаны друг с другом отношением производности и потому не сопоставимы по степени формальной сложности.

Отношения маркированности в видовых парадигмах русского глагола анализируются на трех уровнях, а именно на морфосематическом, или концептуально-семантическом, фонеморфологическом, или формальном и на семиотическом, или на уровне отображения концептуально-семантических характеристик маркированности на формальные характеристики маркированности. На концептуально-семантическом уровне совершенный вид (СВ), обозначающий

Схема 1: Видовые парадигмы русского глагола
и их когнитивные образцы

Морфосеманти- ческий уровень	Фономорфологический уровень		Семиотический уровень	
	Типы парадигм	Отношения маркиро- ванности	Степени иконизма парадигм	Итоговая маркиро- ванность парадигм
[+ЦЕЛ] > [-ЦЕЛ]	Перфективация писать–написать	СВ > НСВ	Максимально иконическая	Немарки- рованность
- „ -	Первич. имперфективация решить–решать	СВ ≠ НСВ	Минимально иконическая	- „ -
- „ -	Синкретические парадигмы адресовать – адресовать	СВ = НСВ	Неикони- ческая	Маркиро- ванность
- „ -	Вторич. имперфективация переписать– переписывать	СВ < НСВ	Контра- иконическая	- „ -

целостное действие ([+ЦЕЛ]) с включением начальной и конечной границ действия, является более сложным, чем несовершенный вид (НСВ), который обозначает нецелостное действие ([-ЦЕЛ]), т.е. некую часть глагольного действия с устранением начальной и конечной координат действия: [+ЦЕЛ] > [-ЦЕЛ] (читается как: целостное действие является более сложной величиной, чем нецелостное действие). На формальном уровне различаются четыре типа видовых парадигм. В парадигмах перфективации типа *писать–написать* перфективный член с префиксом как маркером СВ имеет больше морфологического материала, чем имперфективный член, в котором отсутствует приставка: СВ > НСВ. В парадигмах первичной имперфективации типа *решить–решать* оба члена противопоставления (СВ и НСВ) обнаруживают разные суффиксальные морфемы как маркеры аспектуальности: СВ ≠ НСВ (читается как: СВ не одинаков с НСВ). В синкретических парадигмах типа *адресовать– адресовать* СВ и НСВ не отличаются друг от друга в формальном отношении: СВ = НСВ (читается как: СВ одинаков с НСВ по степени формальной сложности). При вторичной имперфективации типа *переписать–переписывать* НСВ

с суффиксом имперфективации оказывается более сложным, чем СВ, который не обнаруживает такого суффикса: СВ < НСВ (читается как: СВ является менее сложным, чем НСВ). На семиотическом уровне парадигмы перфективации считаются максимально иконическими. Такие парадигмы характеризуются совпадением, или изоморфизмом, отношений маркированности на концептуально-семантическом и на формальном уровне: семантически более сложный СВ оказывается и формально более сложным, чем НСВ. Парадигмам первичной имперфективации присваивается статус минимально иконических парадигм. Отношения маркированности в такого рода парадигмах на концептуально-семантическом и на формальном уровнях не совпадают, но и не противоречат друг другу: отношение [+ЦЕЛ] > [-ЦЕЛ] является частным случаем отношения СВ \neq НСВ. Синкретические парадигмы именуется неиконическими парадигмами. Отношения маркированности концептуально-семантического и формального уровней в таких парадигмах находятся в противоречии друг с другом: отношение [+ЦЕЛ] > [-ЦЕЛ] не совместимо с отношением СВ = НСВ. Парадигмы вторичной имперфективации с прямо противоположной направленностью отношений маркированности концептуально-семантического и формального уровней ([+ЦЕЛ] > [-ЦЕЛ] и СВ < НСВ) получают этикетку контраиконических парадигм. Иконические (максимально и минимально иконические) парадигмы имеют статус немаркированных, т.е. простых или естественных видовых парадигм. Такие парадигмы легче усваиваются и перерабатываются в сознании носителя языка, чем маркированные контраиконические и неиконические парадигмы, которые характеризуются дополнительной нагрузкой языковой способности носителя языка. Иконические парадигмы являются в этом отношении оптимальными, а потому и преферентными.

2.2. Увеличение удельного веса оптимальных парадигм перфективации

2.2.1. Грамматикализация видов и возникновение парадигм перфективации в процессе преобразования исходных парадигм вторичной имперфективации

Иконические парадигмы перфективации типа *писати* (НСВ)–*написати* (СВ) возникли на относительно позднем этапе формирования видовой системы русского глагола посредством контаминации исходных контраиконических парадигм вторичной имперфективации типа *написати* (СВ и НСВ, ср. наст. вр. *напишу* и *написаю*) — *написовати* / *написывати* (НСВ) и парадигм неитеративности / итеративности

типа *писати* / *писовати* ([-ИТЕР])–*писывати* ([+ИТЕР]) (см. Климонов 2006: 181–182). В парадигме вторичной имперфективации *написати* (СВ и НСВ) — *написовати* / *написывати* (НСВ) в процессе исторического развития приставка *на-* десемантизируется (т.е. утрачивает свойственное ей локальное значение) и грамматикализуется (т.е. приобретает значение только СВ). Лексема СВ *написати* вступает в видовое противопоставление сразу с четырьмя имперфективными членами, а именно с приставочными имперфективами *написовати* и *написывати*, а также со ставшими ей тождественной по семантике бесприставочными глаголами НСВ *писати* и *писовати*. Согласно принципу взаимооднозначного соответствия языковой формы и языкового содержания (т.е. *biuniqueness*), выдвинутом в естественной грамматике (см., например, Dressler 2003: 466, 471), одно значение в идеальном случае должно кодироваться одним формальным показателем. Видовая парадигма, удовлетворяющая этому условию, должна быть бинарной, т.е. содержать только один перфективный и только один имперфективный члены. Глагол СВ *написати* вступает в видовое противопоставление согласно указанному принципу только с одним из этих имперфективов, а именно естественным образом с формально самым простым из них *писати*. Утрата ставших избыточными маркированных имперфективов и итератива *писывати* происходит в соответствии с принципом ступенчатого (или упорядоченного) устранения маркированности (см. Venne- mann 1988: 2–3). Сначала устраняется вторичный имперфектив *написовати* с полифункциональным, т.е. наиболее маркированным суффиксом *-ова-*. Затем исчезает вторичный имперфектив *написывати* с монофункциональным, т.е. относительно менее маркированным суффиксом *-ыва-*. Потеря приставочных имперфективов имела место не раньше XVII века (см. Силина 1982: 276). Позже (во второй половине XIX в.) утрачиваются и менее маркированные бесприставочные образования, а именно имперфектив *писовати* и итератив *писывати* (см. Виноградов 1972: 431-433). Итеративные дериваты еще сохраняются в современном русском языке в качестве реликта этого когда-то продуктивного класса.

2.2.2. Вытеснение иконическими парадигмами перфективации неиконических синкретических парадигм

Удельный вес иконических парадигм перфективации в общей системе видовых оппозиций со времени их возникновения посто-

янно увеличивается. Происходит пополнение состава парадигм перфективации за счет неиконических синкретических парадигм. Неиконические синкретические парадигмы типа *иллюстрировать* (НСВ) — *иллюстрировать* (СВ) в современном русском языке во все возрастающем объеме замещаются иконическими парадигмами перфективации типа *иллюстрировать* (НСВ)–*проиллюстрировать* (СВ). На месте перфективного члена *мобилизовать* в парадигме *мобилизовать* (НСВ)–*мобилизовать* (СВ) все чаще употребляется новый перфектив *отмобилизовать*. Перфектив *отремонтировать* уже полностью вытеснил когда-то употребительный перфектив *ремонтировать* в старой синкретической парадигме *ремонтировать* (НСВ)–*ремонтировать* (СВ). Процесс вытеснения неиконических синкретических парадигм иконическими парадигмами перфективации особенно интенсивно протекает в некодифицированных разновидностях русского языка, ср. *суммировать* (НСВ) — *просуммировать* (СВ), *дифференцировать* (НСВ) — *продифференцировать* (СВ) и *интегрировать* (НСВ) — *проинтегрировать* (СВ) в языке математиков.

2.2.3. Утрата контраиконических парадигм вторичной имперфективации в конкуренции с иконическими парадигмами перфективации

В русском языке наблюдается тенденция к оптимальной организации видовых парадигм, т.е. к устранению избыточных видовых парадигм или избыточных членов таких парадигм. Идеальная, т.е. оптимальная видовая парадигма должна быть бинарной. Этому противоречит наличие сразу трех имперфективных членов, а именно: *готовить*, *приготавливать*, *приготавливать*, противопоставленных одному перфективному члену *приготовить* в составе трех одинаковых по значению видовых парадигмах перфективации (*готовить*–*приготовить*) и имперфективации (*приготовить*–*приготавливать* и *приготовить*–*приготавливать*). В конкуренции маркированных, т.е. более комплексных членов видовых парадигм (типа *приготавливать* и *приготавливать*), и немаркированных, т.е. более простых членов видовых парадигм (типа *готовить*), согласно принципу естественного грамматического развития (см., например, Wurzel 1994: 28–32) победу одерживают последние. В полном соответствии с этим принципом в разговорном русском языке немаркированный имперфектив *готовить* полностью вытеснил конкурирующие с ним

маркированные имперфективы *приготовлять* и *приготовливать*, ср. *готовить*, но не **приготовлять* или **приготовливать* (обед). Парадигма перфективации *готовить–приготовить* оказывается тем самым преферентной по отношению к парадигмам имперфективации *-риготовить–приготовлять* и *приготовить–приготовливать*.

В русском языке представлены и более сложные случаи избыточных видовых парадигм, когда оба члена видовых парадигм выражаются несколькими глагольными лексемами. Так в современном русском языке наличествуют сразу три глагола СВ с приставками *о-*(*оштукатурить*), *от-*(*отштукатурить*) и *вы-*(*выштукатурить*). Каждая из этих глагольных лексем является составной частью двух видовых парадигм, а именно парадигм перфективации типа *штукатурить* (НСВ) — *оштукатурить* (СВ) и парадигм вторичной имперфективации типа *оштукатурить* (СВ) — *оштукатуривать* (НСВ). Доминирующими оказываются при этом парадигмы перфективации, поскольку эквивалентные им по значению парадигмы вторичной имперфективации содержат маркированные члены типа *оштукатуривать* (ср. сказанное выше по поводу маркированных глагольных лексем типа *приготовлять* и *приготовливать*). Глагольные лексем с префиксами *от-* и *вы-* являются стилистически маркированными: они ограничены в своем употреблении сферой профессионального жаргона, разговорной речи и просторечия. В стандартном, т.е. кодифицированном русском языке представленной оказывается таким образом только глагольная лексема с приставкой *о-*, которая вместе с исходной бесприставочной глагольной лексемой образует парадигму перфективации: *штукатурить* (НСВ)–*оштукатурить* (СВ). Как результат действия тенденции к экономному оформлению видовых парадигм из шести наличествующих в репертуаре видовых парадигм с глаголом *штукатурить* и его производными в литературном русском языке представленной оказывается всего только одна оптимальная бинарная видовая парадигма перфективации.

3. Экспансия преферентных контекстуальных и синтаксических маркеров в зоне лексической аспектуальности

3.1. Возрастание роли оптимальных контекстуальных маркеров

Морфологические маркеры (ММ) в видовых парадигмах выражают категорию вида. Такие маркеры характеризуются только одним аспектуальным значением, а именно значением СВ или НСВ. ММ, выражающие способы действия (СД), обнаруживают, напротив,

синкретизм видовой информации и информации о СД и являются поэтому более сложными. Так, ММ *по-* глагольной лексемы *поест* в примере (1-1) обозначает как СВ, так и аттенуативный или смягчительный СДЮ

(1-1) Анна поела (немного) каши

Лексико-синтаксический или контекстуальный маркер (КМ) *немного* с аттенуативным значением в этом примере, дублирующий соответствующую информацию, заключенную в ММ, является, строго говоря, избыточным. Он может быть опущен в высказывании. Постановка такого КМ в скобки символизирует его факультативный характер. Иная дистрибуция видовой информации и информации о СД представлена в примере (2-1). В этом примере приставка *съ-* глагольной лексемы *съест* выражает только видовое значение СВ, а аттенуативное значение кодируется КМ *немного*:

(2-1) Анна съела немного каши

Глагольные лексемы типа *поест*, имеющие в своем составе ММ аттенуативности, выражают обобщенное, т.е. неспецифицированное значение небольшого количества и не сочетаются с КМ, обозначающими конкретное, т.е. специфицированное количество (см. пример (1-2)). Глагольные лексемы типа *съест* в примере (2-2) с ММ, выражающим только видовое значение, такую сочетаемость не исключают:

(1-2) *Анна поела (целые) две тарелки каши

(2-2) Анна съела (целые) две тарелки каши

Глаголы типа *поест* с ММ аттенуативности несовместимы также с КМ, обозначающими большое количество или приблизительное количество:

(1-3) *Анна поела много/целую кастрюлю каши

(1-4) *Анна поела примерно три порции / около трех порций каши

Глаголы типа *съест* с ММ, которые не имеют аттенуативного значения, не обнаруживают ограничений такого типа:

(2-3) Анна съела много/целую кастрюлю каши

(2-4) Анна съела примерно три порции / около трех порций каши

Из анализа этих примеров можно сделать вывод, что у структуры с КМ типа *съесть немного каши* имеют по сравнению со структурами с ММ типа *поесть каши* более широкий диапазон значений. Они могут выражать — как это видно из примеров под цифрой 2 — как неспецифицированную информацию об аттенуативности, свойственную ММ, так и всякого рода специфицированную информацию, которую ММ не кодируют. В примере (2-1) КМ *немного* выражает аттенуативное значение, представленное здесь, можно сказать, в «чистом виде», т.е. вне связи с другой аспектуальной информацией, тогда как ММ *по-* (*поесть*) с тем же самым аттенуативным значением в примере (1-1) конденсирует аспектуальную информацию двоякого рода, а именно информацию о виде (совершенном) и информацию о СД (аттенуативном). Ментальные операции, связанные с синкретизмом информации о виде и СД, являются более сложными, чем ментальные процессы раздельной репрезентации этих двух типов информации. Исходя из этих соображений, структуры с ММ следует считать маркированными, а структуры с КМ, немаркированными относительно признака, по которому осуществляется такое противопоставление. Структуры с немаркированными КМ являются в русском языке оптимальными, а потому и предпочтительными по отношению к эквивалентным им структурам с ММ.

Структуры с КМ являются и более весомыми, чем структуры с ММ. При коллизии значений структур с ММ и КМ более «сильными» оказываются последние, которые и определяют итоговую акциональную интерпретацию соответствующего словосочетания; ср. аттенуативное значение префикса *под-* у глагола *подлечиться* и его нейтрализацию в конструкции *основательно подлечиться* с сатуративным смыслом всего словосочетания.

Немаркированные структуры с КМ не только успешно конкурируют с маркированными структурами с ММ, но и вытесняют эти последние в процессе исторического развития. Убедительным свидетельством такой линии развития является судьба итеративных образований с суффиксом *-ыва-/-ива-/-ва-/-а-* типа *писывать, читать, говаривать, хаживать, жить, пивать, есть*. Морфологические итеративы этого типа были исключительно продуктивны в русском языке XVIII и XIX веков. Некоторые грамматисты XIX века (например, А. Х. Востоков) считали итеративные образования даже особым многократным видом (см. Виноградов 1972: 382). С конца XIX века употребление итеративов идет на убыль. Процесс утраты итеративных образований особенно интенсивно происходит в XX веке. Морфологические итеративы типа *гащивать, лавливать, тапливать* были вытеснены конструкциями

с КМ типа *иногда, время от времени, обыкновенно гостить / ловить / топить*. В современном русском языке представлены только реликты итеративных образований порядка нескольких десятков (Мартиновский 1998: 81). Морфологические итеративы с узким значением неопределенной кратности выступают как маркированные, т.е. семантически и формально более сложные по отношению к немаркированным неитеративным формам с более широким диапазоном значения и формально менее сложными. Итеративы такого типа характеризуются ограничениями в употреблении, они, в частности, не сочетаются с числовой квантификацией, т.е. маркерами определенной кратности (ср. пример (3-2)) и обнаруживают дистантную локализацию события по отношению к моменту речи (т.н. давнопрошедшее время в традиционной интерпретации) (ср. примеры (3-3) и (3-4))

- (3-1) Нина *была* в Париже несколько раз / один раз / три раза
 (3-2) Нина *бывала* в Париже несколько раз / *один раз / *три раза
 (3-3) Нина *была* / **бывала* вчера / неделю тому назад в Париже
 (3-4) Нина *была* / *бывала* пять лет тому назад в Париже

Морфологические итеративы все более и более вытесняются из зоны кодифицированного языка в сферы разговорно-бытовой речи и просторечия. В литературном русском языке они используются преимущественно в качестве средства архаизации языка.

ММ являются, как правило, экспонентами вполне определенных значений СД. В примере (4-1) приставка *про-* с пердуративным значением не обнаруживает интерференции с делимитативным значением. Пердуративное значение не может быть в этом примере также нейтрализовано. Тот же префикс в контексте с глагольными лексемами типа *проработать* в примере (4-2) утрачивает однако свойственное ему пердуративное значение и выражает только информацию о СВ:

- (4-1) Олег *прогулял* три часа / *всего пять минут / *некоторое время
 (4-2) Олег *проработал* на заводе целые двадцать лет / всего один год / некоторое время

То или иное значение СД в высказывании (4-2) полностью определяется посредством соответствующего КМ. Примеры такого рода свидетельствуют о возрастании роли немаркированных КМ и тем самым о проявлении тенденции к оптимизированию аспектуальной системы русского языка.

3.2. Преферентность оптимальных синтаксических маркеров по отношению к морфологическим маркерам

Структуры с ММ конкурируют также и со структурами с синтаксическими маркерами (СМ) в составе сложных предикатов, ср. *засомневаться* и *начать сомневаться*. Объединение аспектуального значения СД и лексического значения в составе одной глагольной леммы является более сложной когнитивной операцией, чем их отдельная репрезентация в составе синтаксической конструкции. По этой причине СМ являются немаркированными и тем самым преферентными по отношению к ММ. Далеко не каждый русский глагол сочетается с приставкой *за-* для выражения начинательного значения, тогда как конструкция с глаголом *начать* практически не знает ограничений, ср. *начать плавать*, но не **заплавать*. Древнерусские морфологические каузативы типа *окаменити*, противопоставленные инхоативам типа *окаменѣти*, были вытеснены в ходе исторического развития в современном русском языке синтаксическими каузативами типа *превратить / обратить в камень*. Расширение сферы употребления СМ следует рассматривать как тенденцию к экономной организации аспектуальной системы русского языка.

4. Выводы

Грамматические структуры русского языка рассматриваются в настоящей работе в сопряженности с соответствующими им концептуальными структурами, т.е. в координации с их когнитивными аналогами. Оптимальными считаются такие грамматические структуры, которые максимально соответствуют их когнитивным образцам. При выборе языковых структур говорящий подсознательно отдает предпочтение именно таким грамматическим моделям, поскольку они характеризуются минимальной когнитивной нагрузкой языковой способности носителя языка.

В сфере грамматической аспектуальности оптимальными, а потому и преферентными, являются иконические парадигмы перфективации типа *писать—написать* с тождественными (т.е. однонаправленными) отношениями маркированности семантического и формального уровней: семантически более сложный перфективный член (со свойственным ему признаком целостности действия) является и формально более сложным (благодаря наличию дополнительного аффикса с перфективным значением). Иконические парадигмы перфективации вытесняют

в современном русском языке контраиконические парадигмы вторичной имперфективации и неиконические синкретические парадигмы, которые характеризуются нетождественными (т.е. разнонаправленными) отношениями маркированности семантического и формального уровней. Парадигмы вторичной имперфективации типа *переписать–переписывать* обнаруживают прямо противоположную направленность отношений маркированности семантического и формального уровней: семантически более простые формы НСВ (со значением какой-то части целостного глагольного действия) оказываются формально более сложными (они имеют суффикс имперфективации, отсутствующий в соответствующих формах СВ). В синкретических парадигмах типа *адресовать* (СВ)–*адресовать* (НСВ) отношения маркированности семантического и формального уровней несовместимы друг с другом: формы СВ являются семантически более сложными, чем формы НСВ, а формально они репрезентируются как одинаковые с формами НСВ. Видовые парадигмы с несовпадающими друг с другом отношениями маркированности семантического и формального уровней характеризуются дополнительной нагрузкой языковой способности носителя языка. В разговорном русском языке иконическая парадигма перфективации *готовить–приготовить* полностью вытеснила одинаковые по значению и конкурирующие с ней контраиконические парадигмы имперфективации *приготовить–приготовлять* и *приготовить–приготовлять*, ср. *готовить*, но не **приготовлять* или **приготовлять обед*. В литературном русском языке неиконические синкретические парадигмы типа *иллюстрировать–иллюстрировать* уступают место иконическим парадигмам перфективации типа *иллюстрировать–проиллюстрировать*. В разговорном русском языке происходит замена неиконических синкретических парадигмы типа *суммировать–суммировать* и *депонировать–депонировать* иконическими парадигмами перфективации типа *суммировать–просуммировать* и *депонировать–задепонировать*.

В зоне лексической аспектуальности тенденция к экономии проявляется в предпочтении, отдаваемом оптимальным структурам с контекстуальными и синтаксическими маркерами по отношению к маркированным структурам с морфологическими маркерами. Приставка *по-* как морфологический маркер в конструкции *поест каши* кодирует двойную информацию, а именно о виде (совершенном) и способе действия (аттенуативном). Информация о виде и способе действия в синонимической конструкции *съест немного каши* распределяется по двум составляющим этой конструкции: приставка *съ-* глагольной лексемы *съест* как морфологический маркер выражает информацию

о виде (совершенном), а контекстуальный маркер *немного* обозначает аттенуативный способ действия. Конденсация информации о виде и способе действия в составе одного морфологического маркера является более сложной когнитивной операцией, чем отдельная манифестация этих двух типов аспектуальной информации разными маркерами в рамках синтаксической конструкции. По этой причине структуры с контекстуальными маркерами являются более простыми, оптимальными, а потому и преферентными по отношению к синонимическим им структурам с морфологическими маркерами. Кодирование аспектуальной информации отдельными синтаксическими маркерами в конструкции типа *начать сомневаться* является более простой когнитивной операцией, чем синкретизм аспектуальной и лексической информации в рамках одной глагольной лексемы типа *засомневаться*. Таким образом и структуры с синтаксическими маркерами типа *начать сомневаться* являются немаркированными, т.е. оптимальными и преферентными по отношению к структурам с морфологическими маркерами типа *засомневаться*. Удельный вес оптимальных структур с контекстуальными и синтаксическими маркерами постоянно увеличивается в современном русском языке.

Список литературы

- В.В. Виноградов: *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва 1972².
- В. Климонов: *Влияние развития видов на формирование словарного состава русского языка*. В кн.: *Глагольный вид и лексикография*. Ред. Ф Леман. München 2006, с. 169–189 (Slavolinguistica 7).
- Е.С. Кубрякова: *Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики*. „Вопросы когнитивной лингвистики“ 2004 /1, с. 6–17.
- Г. Кузикевич: *К вопросу о роли языковой „упаковки“ информации*. В кн.: *Language, Society, and Problems of Intercultural Communication*. Сост. К. Bogacki, H. Miatliuk, L. Serada. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku 2005, с. 266–268.
- Ф. Леманн: *Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем*. В кн.: *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. Т. 2. Отв. ред. М.Ю. Черткова. Москва: Издательство Московского университета 1997, с. 54–68.
- Ю.А. Мартиновский: *Глагольная приставка и вид в русском языке*. „Revue des Études Slaves“ 1998 LXXI/1, с. 79–84.
- В.Б. Силина: *История категории глагольного вида*. В кн.: *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*. Москва 1982, с. 158–279.
- W.U Dressler: *Naturalness and Morphological Change*. В кн.: *The Handbook of Historical Linguistics*. Ред. В.D. Joseph, R.D Janda. Malden: Blackwell Publishing 2003, с. 461–471.
- R Jakobson: *Implication of Language Universals for Linguistics*. В кн.: R. Jakobson: *Selected Writings*. Vol. II. The Hague and Paris 1971 [1963], с. 580–592.

- R. Jakobson: *Quest for the Essence of Language*. В кн.: R. Jakobson. *Selected Writings*. Vol. II. The Hague and Paris 1971 [1965], c. 345–359.
- A.P.D. Mourelatos: *Events, Processes, and States*. „Syntax and Semantics“ 14 (1981), c. 191–212.
- Z. Vendler: *Verbs and Times*. В кн.: Z. Vendler. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca: Cornell University Press 1967, c. 97–121.
- Th. Vennemann: *Preference Laws for Syllable Structure and the Explanation of Sound Change*. Berlin–New York–Amsterdam 1988.
- W.U. Wurzel: *Grammatisch initiiertem Wandel*. Bochum 1994 (Bochum-Essener Beiträge zur Sprachwandel-forschung, Bd. XXIII).

Wladimir D. Klimonow

TENDENCJA DO OSZCZĘDNOŚCI W SYSTEMIE ASPEKTUALNYM CZASOWNIKA ROSYJSKIEGO

Streszczenie

Struktury gramatyczne z wykładnikami aspektualnymi są rozpatrywane w niniejszej pracy w powiązaniu z ich wzorami kognitywnymi. Optymalne struktury gramatyczne wykazują maksymalną zgodność z ich kognitywnymi korelatami. Takie struktury są charakteryzowane przez minimalne obciążenie zdolności językowej nosiciela języka. W zakresie aspektualności gramatycznej optymalne są ikoniczne paradygmaty perfektywacji, które we współczesnym języku rosyjskim wypierają nieoptymalne kontraikoniczne paradygmaty wtórnej imperfektywacji i nieikoniczne paradygmaty synkretyczne. W obrębie aspektualności leksykalnej kontekstualne i syntaktyczne wskaźniki aspektualności, które posiadają tylko jedno znaczenie akcjonalne (to znaczy znaczenie rodzaju czynności) są mniej skomplikowane niż wykładniki morfologiczne (to znaczy prefiksy i sufiksy), które łączą informację aspektową i informację akcjonalną. Z tego powodu struktury gramatyczne ze wskaźnikami kontekstualnymi i składniowymi są optymalne i dlatego też preferowane. Udział takich struktur optymalnych w zasobie środków wyrażania znaczeń aspektualnych ciągle w języku rosyjskim wzrasta.

Vladimir D. Klimonov

THE TENDENCY TOWARDS ECONOMY IN THE ASPECTUAL SYSTEM OF THE RUSSIAN VERB

Summary

Grammatical structures with aspectual markers are considered here in relation to their cognitive prototypes. Optimal grammatical structures exhibit maximal correspondence with their cognitive models. Such structures are characterized by a minimal strain on the native speaker's linguistic abilities. In the sphere of grammatical aspectuality, iconic paradigms of perfectivization are optimal. In present-day Russian, they are ousting non-optimal countericonic paradigms of secondary imperfectivization as well as non-iconic syncretic paradigms. In the field of lexical aspectuality, contextual and syntactic markers with a single actional meaning are simpler exponents of aspectuality than morphological markers, the latter combining the information with respect to the aspect and the Aktionsart. That is the reason why grammatical structures with contextual and syntactic indicators of aspectuality are optimal and therefore preferable. As far as the repertoire of the means of expression of aspectuality is concerned, the share of such constructions is constantly increasing in contemporary Russian.